

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина»

Филологический факультет

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ
КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ
ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ:
РОССИЯ – ЗАПАД – ВОСТОК**

Материалы

*Международной научно-практической конференции
«Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие».*

XVI Кирилло-Мефодиевские чтения».

19 мая 2015 года

Москва – Ярославль
2015

ББК 83.3(2Рос=Рус)
УДК 882.03
А43

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Н. Русецкая (главный редактор),
М.А. Осадчий (зам. главного редактора),
И.С. Леонов (научный редактор),
С.А. Гревцова (ответственный секретарь),
А.А. Сдельникова (заместитель ответственного секретаря),
Р.Р. Шамсутдинова (заместитель ответственного секретаря);
А.А. Нагорнева, Е.В. Тихонова, К.В. Равняга, К.И. Власова

*Печатается по решению Научно-технического совета
ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина»*

Рецензенты: д.ф.н., проф. Е.В. Никольский, к.п.н., доц. Т.В. Кудоярова

А43

Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения», 19 мая 2015 года. – М. – Ярославль: Ремдер, 2015. – 296 с.

ISBN 978-5-94755-371-0

В сборнике представлены статьи, посвященные актуальным вопросам изучения духовной культуры славян и диалога культур в аспекте «Россия – Запад – Восток». В книге содержатся материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения» (19 мая 2015 года). Конференция ежегодно проходит в ФГБОУ ВПО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина».

ISBN 978-5-94755-371-0

© Авторы материалов, 2015
© Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2015

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Волкова Анна Геннадьевна

*канд. филол. наук, преподаватель Калужской духовной семинарии
Калуга, Россия
volk8585@bk.ru*

ПОЭТИКА СМЕРТИ В СЛАВЯНО- ВИЗАНТИЙСКОЙ ГИМНОГРАФИИ: СЛУЖБЫ СВЯТЫМ МУЧЕНИКАМ

Гимнография, канон, мученик, метафора, поэтика, религиозное сознание.

Статья посвящена рассмотрению текстов служб христианским мученикам. Рассматриваются тексты канонов, читаемых на утрени, с точки зрения метафорики, не только передающей содержание мученического подвига, но и представляющей собой попытку осмысления значения этого подвига для Церкви и для каждого человека.

Феномен мученичества как религиозная и философская категория имеет слишком много аспектов, чтобы быть рассмотренным в пределах одной статьи. Мученичество стало одной из основ европейской культуры, так как европейская культура – это прежде всего культура христианская.

С одной стороны, можно и необходимо рассматривать мученичество как понятие, имеющее непреходящее религиозное значение. «Древняя Христова Церковь преимущественно совершала Евхаристию на могилах мучеников, причем самые гробы их служили престолом для Таинства... К концу VII века обычай совершать Евхаристию только на мощах мучеников сделался уже почти узаконением: Франкский Собор постановил, что престол может быть освящен только в церкви, в которой есть мощи святых, а VII Вселенский Собор (787) определил, что «на будущее время всякий епископ, освятивший церковь без мощей, должен быть извержен» (Правило 7) [2, с. 389-392]. С этого времени и до сих пор престол для полного совершения Литургии должен быть покрыт антиминомом – платом, в котором защиты частицы мощей мучеников, то есть совершение Евхаристии невозможно без совершения ее на мощах святых мучеников.

3. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. Пер.с фр. А.В. Дилигенской под ред. Б.В. Горнунга и М.Н. Петерсона. – М.: Изд. Иностранной литературы, 1954 г. – 98 с.

4. Миронова Е.А. Универсальность семантики слогов протоязыка. // Докирилловская славянская письменность и дохристианская славянская культура: материалы Первого междунар. конгресса (12-14 мая 2008 г.) в 4-х томах / под общ. ред. прф. В.Н. Скворцова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – Т. 1. – 432 с.

5. Миронова Е.А. Разгадка устойчивого сочетания протослогов: -*ga- -*ar- -*ga- в современных топонимах (этимология на основе гипотезы о протословах, сохранившихся в географических названиях мира). // «Эко-Потенциал». – Екатеринбург: Уральский Государственный Лесотехнический Университет, 2013. – № 3-4. – С. 200-213.

6. Сыртыпова С.Д., Дробышев Ю.И., П.Д. Гунин П.Д. Экологическое значение сакральных территорий Монголии. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ethnography.omskreg.ru/res/page000000001362/Files/2.pdf> (дата обращения: 23.11.2014).

Mironova Elena Alexandrovna

RESEARCH OF THE PROTOSYLLABLE -*brh- AND ITS PHONETIC VARIANTS IN TOPONYMS, VERBS DENOTING THE PROCESS OF SPEAKING AND IN SACRAL TERMS

Protosyllable, historical interchange of sounds, toponyms, sacral sphere.

*The investigation of the stable phoneme combination -*brh-, which has the phonetic variants – interchangeable labia-labial [p], labia-dental [v] and the velar [g], [k], revealed its presence in a great number of world toponyms, in the verbs denoting the process of speaking in different languages as well as in the terms of the sacral sphere and in the names of ancient cult places.*

Платонова Наталья Викторовна

канд. ист. наук, доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
nplatonova@hse.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ НА ЗАПАДЕ В ИСТОРИКО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ Ф. АРЬЕСА И М. ВОВЕЛЯ

История смерти, историография и школа «Анналов», историко-антропологический подход, отношение к смерти, Филипп Арьес, Мишель Вовель.

В статье рассматривается эволюция представлений о смерти и формирование подходов к изучению смерти как исторического феномена. Сформировавшись в рамках французской школы «Анналов», заложившей основы «новой исторической науки», историко-антропологический подход позволяет более глубоко раскрыть вопрос о смерти в истории, рассматривая ее как неотъемлемую часть коллективной психологии и социально-культурной системы на протяжении столетий. В статье проведено сравнение концепций истории отношения к смерти и ее восприятия на Западе Филиппа Арьеса и Мишеля Вовеля и раскрыто содержание их методологических споров, ставших важной вехой в разработке данного направления исторических исследований.

Проблема жизни и смерти является одной из ключевых тем философских размышлений, проходя через все развитие философии от античности до современности. Она также не нова для этнологов и археологов, изучающих погребальные памятники для реконструкции материальной и духовной культуры древних обществ. Однако историко-антропологический подход, сформировавшийся в рамках французской исторической школы «Анналов», позволил по-новому осмыслить вопрос о смерти в истории и осветить до того остававшиеся в тени стороны ментальности людей прошлого (подробнее об исторической антропологии и ее месте в современном гуманитарном знании см. [3; 6; 8; 18]; о смерти как проблеме исторической антропологии см. также [5]). Именно историки-анналисты ввели в 20-е годы XX века в научный лексикон понятие «ментальность» («менталитет»). Хотя нередко в него вкладывается различное содержание, это понятие сыграло большую роль в междисциплинарном

сближении истории и других общественных наук. Подробнее см. [4; 7]). Весьма важным достижением представителей «новой исторической науки» является понимание смерти как неотъемлемого компонента коллективной психологии и социально-культурной системы на протяжении всей человеческой истории. Обсуждение проблем смерти и ее восприятия в разных культурах и эпохах стимулировало вместе с тем теоретическую и методологическую рефлексию историков [19; 20; 22]. В этой статье мы проведем сравнение концепций истории отношения к смерти на Западе Ф. Арьеса и М. Вовеля и, анализируя содержание их положений и методологических споров, подчеркнем их значимость для формирования данного направления исследований.

Путь Филиппа Арьеса (1914-1984) в науку далеко не типичен. Почти сорок лет он проработал на руководящей должности в департаменте, занимающемся во Франции торговлей тропическими фруктами. В частности, он внес вклад в техническое и информационное перевооружение службы импорта. В своей автобиографической книге Арьес сам себя называл «историком по воскресеньям», имея в виду, что он занимался деятельностью историка в свободное от службы время [9]. Он не принадлежал к числу университетской профессуры или сотрудников научных учреждений, что отнюдь не помешало ему стать одной из ярких фигур французской исторической науки 1960-1980 годов. (О биографии и научной деятельности Арьеса см. также [2; 17; 18]). Его интеллектуальные интересы сложились на пересечении исторической демографии, исторической антропологии и истории ментальностей. Известность пришла к Арьесу после выхода в свет в 1960 году книги «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» [11] (русский перевод [1] был издан в 1999 году), которая сейчас считается классическим трудом, хотя и не бесспорным.

Капитальная монография «Человек перед лицом смерти» (1977) [12] (см. русский перевод книги [2]) представляет собой результат его долговременных исследований на эту тему [10; 13; 14; 15; 16]. В этой книге Арьес поставил перед собой задачу проследить эволюцию отношения европейцев к смерти в широкой временной перспективе. В ней он намечает пять основных этапов, на каждом из которых доминировали определенные ментальные установки в отношении к смерти. Первый этап обозначается выражением «прирученная смерть» (*la mort apprivoisée*). Историк хотел этим подчеркнуть, что в Раннее Средневековье люди относились к смерти как к обыденному явлению и не боялись ее. Смерть воспринималась как естественная неизбежность. Человек обычно заблаговременно готовился к ней, а сам его уход не воспринимался как полный разрыв с миром живых. Свидетельством этого является тот факт, что захоронения мертвых совершались, как правило, внутри городских стен, и сами кладбища тогда были местом общественной жизни. Они служили одновре-

менно и убежищем для нищих, и местом для проведения ярмарок и даже заседаний суда. Такое отсутствие страха перед смертью объясняется, согласно Арьесу, воззрениями средневековых людей на природу и их представлениями о загробном мире, согласно которым умерших не ожидали суд и возмездие за прожитую жизнь, а они погружались в своего рода сон, который будет длиться до второго пришествия Христа.

В дальнейшем это состояние, возникшее на заре человеческого существования и сохраняющееся в широких слоях народа вплоть до XIX века или даже до наших дней, стало размываться под воздействием растущей индивидуализации сознания, рождающей в человеке тоску по уходящей жизни. Таким образом, формируется новое отношение к смерти – «смерть своя» (*la mort de soi*). Переход ко второму этапу также ознаменовался новой эсхатологией – утверждающимся в период между XI и XIII веками представлением о Страшном суде. Представление о суде над родом человеческим сменяется представлением об индивидуальном суде, происходящим в момент кончины человека. По словам Арьеса, в час смерти или в мысли о ней происходит осознание индивидом своей собственной идентичности, личной истории как в этом мире, так и в мире ином. Смерть становится не только завершением биографии человека, но и болезненным расставанием с земной жизнью и накопленными материальными благами.

Характерная для Средневековья анонимность погребений постепенно изживается, и вновь, как и в античности, возникают эпитафии и надгробные изображения человека. В XVII веке создаются новые кладбища, расположенные вне территории поселений, где строятся усыпальницы для собирания в одном месте праха всей семьи и рода. Близость живых и мертвых, которая ранее никого не тревожила, отныне оказывается нестерпимой, равно как и изображения скелета, которые были существенным компонентом литературы и искусства макабра в конце Средневековья.

Более важное значение придается погребальным обрядам и церковной литургии. Семья передает заботы об умершем церкви, которая организует торжественные траурные процессии. За пышностью похорон происходит все большее сокрытие тела умершего (зрелище мертвого тела рискует взволновать и внушить страх). С XV века резко увеличилось число читаемых заупокойных месс, которые дополняются практикой фундаментальных богослужений (передача части имущества умершего церкви, которая использует часть денег для помины души).

Одновременно возросла роль завещаний, которые, по Арьесу, служили средством «колонизации и освоения потустороннего мира, манипулирования им». В обмен на благочестивые распоряжения, изложенные в завещании, умирающий получал гарантию вечных благ в потустороннем мире и, вместе с тем, сохранение дружбы и согласия среди живых, за-

ботяся о справедливом распределении своего имущества между наследниками. Таким образом, завещание было не только результатом разумной мирской предусмотрительности, но и актом религиозным, одновременно и добровольным, и навязанным церковью, от совершения которого зависело спасение души. Неслучайно, именно в период Позднего Средневековья возникает представление о Чистилище (лат. *purgatorium*), которое занимает некое промежуточное место в загробном мире между раем и адом. Туда попадают души умерших, чтобы очиститься от грехов перед вступлением в рай.

Третий этап эволюции отношения к смерти определяется Арьесом формулой «смерть далекая и близкая» (*la mort longue et proche*). Тезис «жить с мыслью о смерти» наиболее точно отражает это новое отношение к смерти в период между XVI и XVIII веками. Сторонники Реформации относились с недоверием к запоздалым покаяниям умирающего, выступали за церковные реформы и обличали продажу индульгенций и другие пороки духовенства. В философских и духовных трактатах утверждается, что человек должен думать о смерти, чтобы лучше научиться жить. Смерть должна быть концом праведной жизни. Момент смерти не должен быть драматическим и волнительным («Беседы» Эразма Роттердамского). Отдаление от смерти проявляется в желании людей простоты в похоронах и в запущенном состоянии кладбищ, «оставленных на милость природы».

Четвертый этап связан с утверждением в XIX веке нуклеарной семьи (супружеская пара с детьми). Это — «смерть твоя», рождающая страх расставания с близкими. Поскольку эмоциональные узы между людьми становятся теснее, уход из жизни любимого человека, супруга, ребенка или родственников воспринимается трагичнее, чем собственная смерть. С этим было связано и изменение представлений о жизни после смерти. Рай начинает восприниматься как место воссоединения близких людей, где они снова обретут друг друга — уже навечно. Романтизм способствует превращению страха смерти в чувство прекрасного.

Последний этап — «смерть перевернутая» (*la mort inversée*) — характерен для XX века, когда развивается страх перед смертью и самим ее упоминанием. Тенденция к вытеснению смерти из коллективного сознания, постепенно нарастая, достигла апогея в наше время, когда, по утверждению Арьеса, общество ведёт себя так, будто смерти не существует. О ней стараются не говорить и не проявлять скорбь. Поведение вокруг умирающего отныне определяется соучастием его близких в любящей лжи, а не свободным и тесным общением с ним в последние дни. В индустриальных странах Запада и Америке местом, где человек расстается с жизнью, все чаще становится больница. В городах, как замечает Арьес, люди в большинстве случаев перестали умирать, как, впрочем, и появляться на

свет дома. Похороны проходят проще и короче, практикуется кремация, а траур и оплакивание покойника воспринимаются как своего рода душевное заболевание. Смерть рассматривается как главное препятствие общества к счастью, и потому она не только удалена от взоров общества, но и скрыта от самого умирающего, дабы не делать его несчастным.

Итак, Арьес рассматривает смерть не в качестве неизменной категории, но видит в ней явление со своими специфическими ритмами, тесно связанное с бессознательным и системой коллективных представлений и ценностей. В своей книге он пишет о четырех «параметрах», под влиянием которых происходила смена ментальных установок в отношении смерти: (1) индивидуальное самосознание; (2) защитные механизмы против сил природы, постоянно угрожающие социальному порядку (наиболее опасные силы — секс и смерть); (3) вера в загробное существование; (4) вера в существование зла, тесную связь между грехом, страданием и смертью.

Такая новаторская постановка вопроса не могла не привлечь пристального внимания. Действительно, книга Арьеса имела большой общественный и научный резонанс не только в виде критики его положений, но и в виде новых исследований, посвященных теме восприятия смерти и загробного мира. Среди первых критических по отношению к работе Арьеса надо назвать труды Мишеля Вовеля, который является также признанным специалистом по социальной и культурной истории Франции периода Великой французской революции. Он написал диссертацию на тему «Барочное благочестие и христианизация. Отношение к смерти в XVIII веке на примере анализа завещаний» [26], которая была выпущена в 1973 году парижским издательством «Плон» в серии «Цивилизации и ментальности» под руководством Р. Мандру и Арьеса. Вовель познакомился с Арьесом в 1969 году, и впоследствии им не раз приходилось встречаться, участвуя в научных дебатах. После смерти Арьеса Вовель написал некролог о нем, помещенный в «Ле Монд» (11 февраля 1984 года). Не скрывая возникших разногласий в разработке истории смерти, в некрологе он назвал Арьеса одной из самых творческих и блестящих личностей нашего времени, внесшей существенный вклад в развитие исторической науки.

Обширная монография под названием «Смерть и Запад с 1300 г. до наших дней» [25] Вовеля вышла в свет в 1983 году. Вслед за Арьесом он разворачивает историю смерти от Средневековья до конца XX века, но в то же время не всегда соглашается с выдвинутой им трактовкой этого явления. Поэтому на протяжении всей этой книги, а также в других своих опубликованных работах и статьях [21; 22; 23; 24; 27] Вовель полемизирует с Арьесом как в концептуальном плане, так и с точки зрения периодизации и методов работы с источниками.

Прежде всего, Вовель критикует использованное Арьесом понятие «коллективного бессознательного», располагающееся на границе биологического и культурного, и настойчиво проводит мысль о том, что развитие ментальных установок необходимо рассматривать во взаимосвязи с демографическим, социальным, экономическим, идеологическим аспектами жизни общества. Другими словами, Вовель отказывается рассматривать ментальные установки вне существования социальной системы. Арьес же переносил отношение к смерти, свойственное элите, на все общество, игнорируя при этом народную религиозность и культуру.

Действительно, социальная дифференциация наглядно выступает в исполнении погребальных ритуалов. В Средневековье и Новое время тела знатных и состоятельных людей держали в церквях и хоронили в каменных саркофагах или деревянных гробах вблизи церкви, тогда как тела бедняков доставляли до кладбища на телегах и могли сбрасывать в общие ямы. Наибольшее количество заупокойных молитв читалось в церквях по завещаниям богатых людей. Шансы представителей социальных верхов и низов на спасение души и сокращение сроков пребывания в чистилище были соответственно неодинаковыми. Существующая социальная иерархия и неравенство людей в статусе находили свое отражение также и в представлении о загробном мире.

Применяемый Вовелем подход заключается в том, чтобы, не вычлняя восприятие смерти и загробного мира в качестве самостоятельного предмета анализа, попытаться осмыслить перемены в этом восприятии в общем контексте исторических изменений в социальной, экономической и духовной сферах западноевропейского общества. Таким образом, анализ отношения к смерти охватывает как историю смертности (с опорой на демографические данные), так и ритуалы, и поведение, сопровождающие смерть, представления о потустороннем мире, а также дискурсы о смерти, которые проявляются как в идеологической форме (история идей) и на бессознательном уровне.

Исследуя восприятие смерти в Средние века, Вовель подчеркивает значение христианской традиции, которой были вытеснены народные архаические представления о смерти. Период 1350-1500 годов назван «триумфом смерти», когда обострение страхов перед смертью приводило к усилению людской религиозности. Бинарная структура загробного мира (рай – ад) сменяется троичной (рай – чистилище – ад). Теология и церковное богослужение сформировали христианский дискурс о смерти. Смерть персонифицируется и демонстрируется в изображениях в книжных миниатюрах и на фресках в церквях.

В дальнейшем европейский гуманизм и культура Ренессанса, возвышающие человека и провозглашающие триумф жизни над смертью, приводят к некоторым подвижкам в восприятии смерти в привилегированных слоях.

Четвертый этап – 1580-1730 годы – характеризуется господством модели «барочного» католицизма в отношении к смерти. Образы смерти широко присутствуют в литературе и искусстве.

На пятом этапе происходит деконструкция господствующей модели отношения к смерти. Вовель увязывает этот процесс с преодолением циклического ритма демографических и продовольственных кризисов в Европе нового времени. Философия Просвещения развивает материалистическую (Дидро) и деистскую (Монтескье, Вольтер, Руссо) критику, которая ведет к дехристианизации и десакрализации смерти в первую очередь в привилегированных слоях общества. Упрощаются ритуальные практики; места, отведенные для захоронений, выводятся из церквей и монастырей за пределы города.

Шестой этап – буржуазная смерть XIX века – век первых побед над смертью, связанных с развитием медицины и улучшением уровня жизни населения. Рядом с церковным развиваются светский дискурс и новые представления о смерти. Утверждение буржуазного восприятия смерти происходит через «новый культ умерших». Его действие не ограничивается исключительно рамками частной жизни. Коллективная память становится объектом внимания государства: создаются памятники в честь героев войны и известных деятелей, братские могилы и др.

Наконец, на седьмом этапе («умереть сегодня») Вовель отмечает увеличение продолжительности жизни и одновременно большие демографические потери, вызванные мировыми войнами XX века. В Западной Европе устанавливается модель «запрещенной смерти». Формируются специфические (исторический, социологический, психологический) дискурсы о смерти.

Знакомство с трудами Арьеса и Вовеля свидетельствует о том, что смерть – это сложный социально-культурный феномен, развернутый во времени. Оба историка подчеркивают стабильность некоторых коллективных представлений о смерти на протяжении столетий. Однако причины, которые приводят к изменениям в восприятии смерти людьми прошлого, трактуются ими с разных методологических позиций. По Арьесу, в отношении к смерти проявляется особый пласт ментальности, в котором соединяются индивидуальное и коллективное сознание. Не склонный в своей работе ставить этот ракурс во главу угла, Вовель все же считает, что его изучение дает возможность историкам более глубоко раскрыть систему представлений, верования, ценности, убеждения и поведение людей в прошлом. Однако, по его мнению, нельзя не учитывать влияние социальных, экономических и других факторов при исследовании эволюции восприятия смерти.

Работа по изучению отношения людей к смерти, ее образа в разные эпохи, отношения между миром живых и миром мертвых еще далека от завершения, потому как с каждой новой эпохой формируется новая со-

вокупность представлений и установок людей, которая определяет их общее видение мира и отношение к смерти. Однако подобное изучение может существенно расширить наше понимание минувшей социально-культурной реальности и, кроме того, способно пролить свет на некоторые важные процессы, происходящие в обществе сегодня. Например, на наш взгляд, связь смерти и насилия заслуживает более пристального внимания как историков, так и психологов, социологов и специалистов в области религии, права и политики.

Литература:

1. Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 416 с.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Пер. с фр. Общ. ред. Оболенской С.В. Предисл. А.Я. Гуревича. – М.: Прогресс, 1992. – 528 с.
3. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М., 1993. – 319 с.
3. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – М., 1989. – С. 75-89.
4. Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: О новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. 1989. – М., 1989. – С. 114-135.
5. Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докл. и сообщ. науч. конф. – М., 1998. – 33 с.
6. Коробков Ю.Д. Современные трактовки ментальности: проблемы и перспективы // Вестник ОГУ. – 2000. – № 8. – С. 88-96.
7. Кром М.М. Историческая антропология: Учеб. пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – 207 с.
8. Ariès P. (en collaboration avec Michel Winock). Un historien du dimanche. – Paris: Seuil, 1980.
9. Ariès P. Essai sur l'histoire de la mort en Occident du Moyen Age à nos jours. – Paris: Seuil, 1975.
10. Ariès F. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. – Paris: Plon, 1960.
11. Ariès P. *L'Homme devant la mort*. – Paris: Seuil (coll. «L'Univers historique»), 1977.
12. Ariès P. La mort inversée : le changement des attitudes devant la mort dans la société occidentale // *European Journal of Sociology*. – 1967. – Vol. 8. – № 2. – P. 169-195.
13. Ariès P. *La vie et la mort chez les Français d'aujourd'hui* // *Revue de psychologie des peuples*. – 1972. – № 1-4.

14. Ariès P. Richesse et pauvreté devant la mort au Moyen Age // *L'Histoire de la pauvreté (Moyen Age, XVIe siècle)*. – Paris, 1974. – Т. 2. – P. 519-533.

15. Ariès P. *Western Attitudes toward Death: from the Middle Ages to the Present*. – Baltimore; London, 1976.

16. Burguière A. (éd.). Ariès // *Dictionnaire des sciences historiques*. – Paris: PUF, 1986.

17. Burguière A. *L'Ecole des Annales, une histoire intellectuelle*. – Paris: éd. Odile Jacob, 2006.

18. Chaunu P. Un nouveau champ pour l'histoire sérielle : le quantitatif au troisième niveau // *Mélanges offerts à F. Braudel*. – Toulouse: Privat, 1973.

19. Le Roy Ladurie E. Chaunu, Lebrun, Vovelle : la nouvelle histoire de la mort // *Le territoire de l'historien*. – Paris: Gallimard, 1973. – P. 393-403.

20. Vovelle M. Les Attitudes devant la mort, front actuel de l'histoire des mentalités // *Archives de sciences sociales des religions*. – 1975. – № 39. – P. 17-29.

21. Vovelle M. Les attitudes devant la mort : problèmes de méthodes, approches et lectures différentes // *Annales E.S.C.* 31e année. – 1976. – № 1. – P. 120-132. (Статья написана в ответ на [20]).

22. Vovelle M. Encore la mort : un peu plus qu'une mode ? // *Annales E.S.C.* 37e année 1982. – № 2. – P. 276-287.

23. Vovelle M. Mourir autrefois. Attitudes collectives devant la mort aux XVIIe et XVIIIe siècles. – Paris, 1974.

24. Vovelle M. *La mort et l'Occident. De 1300 à nos jours*. – Paris: Gallimard, 1983.

25. Vovelle M. Piété baroque et déchristianisation. Les attitudes devant la mort au XVIIIe siècle d'après les clauses des testaments. – Paris: Plon (coll. «Civilisations et mentalités»), 1973.

26. Vovelle M. Y a-t-il un Inconscient collectif ? // *La Pensée*. – 1979. – № 205. – P. 125-136.

Platonova Natalia Victorovna

THE EVOLUTION OF THE IDEAS OF DEATH IN THE WEST IN LINE OF THE HISTORICAL ANTHROPOLOGY STUDIES OF PHILIPPE ARIÈS AND MICHEL VOVELLE

History of death, historiography and the "Annales" School, historical anthropology approach, ideas and attitudes toward the death, Philippe Ariès, Michel Vovelle.

This paper describes the evolution of the concept of death and the formation of approaches to study the death as an historical phenomenon. Formed within the "Annales" School which promoted a new form of history, so called "the new history", anthropological approach provides an opportunity to better understand the role of death was in history, considering it as an integral part of the collective psychology

and social and cultural systems throughout the ages. While analyzing and comparing the views of Philippe Ariès and Michel Vovelle on the history of the attitudes to Death in Western societies, we focus on the difference in their methods and study their debates, which make a significant contribution to the development of this area of historical research.

Садовска Бианка

аспирант Гданьского университета
Гданьск, Польша
bianca.sadowska@poczta.fm

РОССИКА В ПОЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ В ПАРИЖЕ. ОЧЕРКИ

Польская библиотека, Париж, Россия.

В статье дается представление о том, какие документы, касающиеся истории России (так называемая Россия), находятся в Польской библиотеке в Париже.

После поражения ноябрьского восстания большинство солдат, офицеров, политических деятелей, в том числе послов и сенаторов Сейма Царства Польского, предпочли эмиграцию. Всего уехало 6 тысяч человек. Это была самая большая политическая эмиграция в Европе в XIX веке. Часть из них выбрала Саксонию, Англию, часть – Америку. Однако центром польской эмиграции после ноябрьского восстания стал Париж. Эмигранты объединялись в политические и интеллектуальные группы, издавали журналы. В апреле 1832 года было открыто Литературное общество с Адамом Ежим Чарторыйским, членом одной из значительных шляхетских семей, как председателем общества [4, s. 7]. Полгода спустя было также открыто Общество научной помощи. Проблемой функционирования обоих обществ, кроме финансового аспекта, был недостаток места для библиотеки, собирающей сокровища польской культуры и литературы, а также читального зала. В 1838 году был создан Библиотечный совет, в состав которого вошли князь Адам Чарторыйский, генерал Кароль Княжевич, Якуб Малиновски, Юлиан Урсын Немцевич [4, s. 9].

24 марта 1838 года, в годовщину присяги Тадеуша Костюшки в Кракове, которая привела к восстанию 1794 года (восстание Тадеуша Костюшки), была официально открыта Польская библиотека в Париже. Книги, входившие в ее состав, были переданы из библиотек Литературного об-

щества и Общества научной помощи. Всего их было около 2 тысяч [4, s. 10]. Однако первая библиотека находилась в личной квартире, и не хватало места на построение читального зала. Подходящее место тяжело было найти из-за нехорошей финансовой ситуации библиотеки. По этой причине библиотеку пришлось переносить несколько раз. В 1853 году генерал Владислав Замойски купил дом на берегу Сены и его часть отдал библиотеке. Польская библиотека в Париже до сих пор находится в этом здании на Quai d'Orelans 6.

В архивах библиотеки находится много документов как XIX века, так и современных, связанных с польской эмиграцией в Париже. Ценной частью коллекции стали дневники и воспоминания поляков – политических эмигрантов коммунистического периода в истории Польши.

Сейчас в библиотеке находятся около 150 000 книг, 30 000 разных печатных изданий, 3 200 журналов, 4 000 карт и атласов, а также 30 000 произведений искусств [4, s. 43].

Библиотека сотрудничает с Польской академией знаний и Институтом национальной памяти. В здании дома, в котором находится библиотека, функционирует также Музей Адама Мицкевича в Париже и Музей Фредерика Шопена [4, s. 43].

В архиве библиотеки находятся документы, связанные с историей Польши. Особенно интересна часть архива, в которой хранятся документы, связанные с польско-русской историей. Архив можно разделить на 3 части.

Первой из них является Архив Российского посольства в Варшаве. В его состав входят документы за 1736-1794 годы. Среди них находим: корреспонденцию императрицы Екатерины II с разными лицами, а также ее письма к Фридриху (курфюрсту Саксонии) и его жене, четырём польским министрам, Карлу (герцогу Курляндии), примасу Владиславу Лубенскому, князю Григорию Потемкину, Станиславу Понятовскому; рескрипты Екатерины II и русского двора с 1763 года; письма, полученные и посланные канцелярией Оттона Магнуса Стакельберга, российского посла в Польше; письма Стакельберга к разным польским панам; письма разных польских и российских панов Стакельбергу; письма Екатерины II и русского двора русскому посольству в Варшаве, особенно Якову Ивановичу Булгакову; брьюлоны писем Яна Якоба Сиверса к разным лицам, все 1793 года.

В целом архив состоит из 14 дел, 1972 страниц. Они написаны на разных языках [2, s. 24-26; 4, s. 121].

Другой частью документов, связанных с историей России, является архив великого князя Константина. Он состоит из 5 отдельных архивных групп.

Первой из них является собрание актов, касающихся Конгрессовой Польши, документы и письма польских панов за 1816-1829 годы. Первая часть архива состоит из 23 дел, всего 844 страницы. Все документы за-